

Содержание

Интеллигенция и революция

Крушение гуманизма

О романтизме

Поэзия заговоров и заклинаний

О лирике

Письма о поэзии

Стихия и культура

О современном состоянии русского символизма (Прочитано в Обществе ревнителей художественного слова 8 апреля 1910 года)

Судьба Аполлона Григорьева

О назначении поэта. Речь, произнесенная в Доме литераторов на торжественном собрании в 84-ю годовщину смерти Пушкина

О назначении поэта (отрывок)

Речь, произнесенная в Доме литераторов на торжественном собрании в 84-ю годовщину смерти Пушкина

Наша память хранит с малолетства веселое имя: Пушкин. Это имя, этот звук наполняет собою многие дни нашей жизни. Сумрачные имена императоров, полководцев, изобретателей орудий убийства, мучителей и мучеников жизни. И рядом с ними -- это легкое имя: Пушкин.

Пушкин так легко и весело умел нести свое творческое бремя, несмотря на то, что роль поэта -- не легкая и не веселая; она трагическая; Пушкин вел свою роль широким, уверенным и вольным движением, как большой мастер; и, однако, у нас часто сжимается сердце при мысли о Пушкине: праздничное и триумфальное шествие поэта, который не мог мешать внешнему, ибо дело его -- внутреннее -- культура, -- это шествие слишком часто нарушалось мрачным вмешательством людей, для которых печной горшок дороже Бога.

Мы знаем Пушкина -- человека, Пушкина -- друга монархии, Пушкина -- друга декабристов. Все это бледнеет перед одним: Пушкин -- поэт.

Поэт -- величина неизменная. Могут устареть его язык, его приемы; но сущность его дела не устареет.

Люди могут отворачиваться от поэта и от его дела. Сегодня они ставят ему памятники; завтра хотят "сбросить его с корабля современности". То и другое определяет только этих людей, но не поэта;

сущность поэзии, как всякого искусства, неизменна; то или иное отношение людей к поэзии в конце концов безразлично.

Сегодня мы чтим память величайшего русского поэта. Мне кажется уместным сказать по этому поводу о назначении поэта и подкрепить свои слова мыслями Пушкина.

Что такое поэт? Человек, который пишет стихами? Нет, конечно. Он называется поэтом не потому, что он пишет стихами; но он пишет стихами, то есть приводит в гармонию слова и звуки, потому что он -- сын гармонии, поэт.

Что такое гармония? Гармония есть согласие мировых сил, порядок мировой жизни. Порядок -- космос, в противоположность беспорядку -- хаосу. Из хаоса рождается космос, мир, учили древние. Космос -- родной хаосу, как упругие волны моря -- родные грудам океанских валов. Сын может быть не похож на отца ни в чем, кроме одной тайной черты; но она-то и делает похожими отца и сына.

Хаос есть первобытное, стихийное безначалие; космос -- устроенная гармония, культура; из хаоса рождается космос; стихия таит в себе семена культуры; из безначалия создается гармония.

Мировая жизнь состоит в непрестанном созидании новых видов, новых пород. Их баюкает безначальный хаос; их возвращает, между ними производит отбор культура; гармония дает им образы и формы, которые вновь расплываются в безначальный туман. Смысл этого нам непонятен; сущность темна; мы утешаемся мыслью, что новая порода лучше старой; но ветер гасит эту маленькую свечку, которой мы стараемся осветить мировую ночь. Порядок мира тревожен, он -- родное дитя беспорядка и может не совпадать с нашими мыслями о том, что хорошо и что плохо.

Мы знаем одно: что порода, идущая на смену другой, нова; та, которую она сменяет, стара; мы наблюдаем в мире вечные перемены; мы сами принимаем участие в сменах пород; участие наше большей частью бездейтельно: вырождаемся, стареем, умираем; изредка оно деятельно: мы занимаем какое-то место в мировой культуре и сами способствуем образованию новых пород.

Поэт -- сын гармонии; и ему дана какая-то роль в мировой культуре. Три дела возложены на него: во-первых -- освободить звуки из родной безначальной стихии, в которой они пребывают; во-вторых -- привести эти звуки в гармонию, дать им форму; в-третьих -- внести эту гармонию во внешний мир.

Похищенные у стихии и приведенные в гармонию звуки, внесенные в мир, сами начинают творить свое дело. "Слова поэта суть уже его дела". Они проявляют неожиданное могущество: они испытывают человеческие сердца и производят какой-то отбор в грудях человеческого шлама; может быть, они собирают какие-то части старой породы, носящей название "человек"; части,

годные для создания новых пород; ибо старая, повидимому, быстро идет на убыль, вырождается и умирает.

Нельзя сопротивляться могуществу гармонии, внесенной в мир поэтом; борьба с нею превышает и личные и соединенные человеческие силы. "Когда бы все так чувствовали силу гармонии!" -- томится одинокий Сальери. Но ее чувствуют все, только смертные -- иначе, чем бог -- Моцарт. От знака, которым поэзия отмечает на лету, от имени, которое она дает, когда это нужно, -- никто не может уклониться, так же как от смерти. Это имя дается безошибочно.

Так, например, никогда не заслужат от поэта дурного имени те, кто представляют из себя простой осколок стихии, те, кому нельзя и не дано понимать. Не называются чернью люди, похожие на землю, которую они пашут, на клочок тумана, из которого они вышли, на зверя, за которым охотятся. Напротив, те, которые не желают понять, хотя им должно многое понять, ибо и они служат культуре, -- те клеймятся позорной кличкой: чернь; от этой клички не спасает и смерть; кличка остается и после смерти, как осталась она за графом Бенкендорфом, за Тимковским, за Булгариным -- за всеми, кто мешал поэту выполнять его миссию.

На бездонных глубинах духа, где человек перестает быть человеком, на глубинах, недоступных для государства и общества, созданных цивилизацией, -- катятся звуковые волны, подобные волнам эфира, объемлющим вселенную; там идут ритмические колебания, подобные процессам, образующим горы, ветры, морские течения, растительный и животный мир.

Эта глубина духа заслонена явлениями внешнего мира. Пушкин говорит, что она заслонена от поэта, может быть, более, чем от других людей: "среди детей ничтожных мира, быть может, всех ничтожней он".

Первое дело, которого требует от поэта его служение, -- бросить "заботы суетного света" для того, чтобы поднять внешние покровы, чтобы открыть глубину. Это требование выводит поэта из ряда "детей ничтожных мира".

Бежит он, дикий и суровый,

И звуков и смятенья полн,

На берега пустынных волн.

В широкошумные дубровы.

Дикий, суровый, полный смятенья, потому что вскрытие духовной глубины так же трудно, как акт рождения. К морю и в лес потому, что только там можно в одиночестве собрать все силы и приобщиться к "родимому хаосу", к безначальной стихии, катящей звуковые ВОЛНЫ.

Таинственное дело совершилось: покров снят, глубина открыта, звук принят в душу. Второе требование Аполлона заключается в том, чтобы поднятый из глубины и чужеродный внешнему миру звук был заключен в прочную и осязательную форму слова; звуки и слова должны образовать единую гармонию. Это -- область мастерства. Мастерство требует вдохновения так же, как приобщение к "родимому хаосу"; "вдохновение, -- сказал Пушкин, -- есть расположение души к живейшему принятию впечатлений и соображению понятий, следственно и объяснению оных"; поэтому никаких точных границ между первым и вторым делом поэта провести нельзя; одно совершенно связано с другим; чем больше поднято покровов, чем напряженнее приобщение к хаосу, чем труднее рождение звука, -- тем более ясную форму стремится он принять, тем он протяжней и гармоничней, тем неотступней преследует он человеческий слух.

Наступает очередь для третьего дела поэта: принятые в душу и приведенные в гармонию звуки надлежит внести в мир. Здесь происходит знаменитое столкновение поэта с чернью.

Вряд ли когда бы то ни было чернью называлось простонародье. Разве только те, кто сам был достоин этой клички, применяли ее к простому народу. Пушкин собирал народные песни, писал простонародным складом; близким существом для него была деревенская няня. Поэтому нужно быть тупым или злым человеком, чтобы думать, что под чернью Пушкин мог разуместь простой народ. Пушкинский словарь выяснит это дело -- если русская культура возродится...

Об авторе

Александр Александрович БЛОК (1880--1921)

Выдающийся русский поэт, драматург, публицист и литературный критик. Родился в Санкт-Петербурге, в семье юриста. Окончил славяно-русское отделение филологического факультета Петербургского университета (1906). Стихи начал писать с детства, печататься -- с 1903 г. В 1904 г. опубликовал сборник "Стихи о Прекрасной Даме", где предстал как лирик-символист. В 1909--1913 гг. путешествовал; побывал в Италии, Бретани и на юге Франции. В 1916--1917 гг. служил в инженерно-строительных войсках. Вернувшись в Петроград, работал в Чрезвычайной следственной комиссии при Временном правительстве: редактировал стенограммы показаний бывших царских министров. В 1918 г. написал поэму "Двенадцать" -- о крушении старого мира и столкновении его с новым. В 1919 г. был назначен председателем режиссерского управления Большого драматического театра (Петроград); также работал в правлении Союза писателей. В январе 1921 г. Блок по случаю 84-й годовщины смерти А.С.Пушкина выступил в Доме литераторов со своей знаменитой речью "О назначении поэта". В мае 1921 г. тяжело заболел и 7 августа умер от воспаления сердечных клапанов.

Творчество А.А.Блока связано с традициями поэзии В.А.Жуковского, М.Ю.Лермонтова, А.А.Фета, Н.А.Некрасова. Блок -- романтик, содержанием поэзии которого стали российская действительность и реальный человек. С начала 1900-х гг. он выступал с критическими и публицистическими статьями, очерками, речами, которые он обозначил как "прозу" и в которых трактовал общие вопросы культуры, литературы, искусства. В "прозу" Блока также вошли написанная по результатам работы в Чрезвычайной следственной комиссии книга "Последние дни императорской власти" (1921) и рецензии на стихи выдающихся поэтов А.Белого, В.Я.Брюсова, К.Д.Бальмонта, Э.Верхарна.

